

Ассоциативно-вербальный блок «вода» в русской паремике

БОЧИНА Татьяна Геннадьевна

Казань, Россия

E-mail: tbochina@yandex.ru

Предметом исследования в данной статье является фрагмент «ассоциативно-вербальной сети» (Караулов 1999) русского пословичного фонда с компонентом «вода». Как было доказано учеными, семантическая сеть является одной из моделей хранения знаний в памяти человека, представляя собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами. «С каждым узлом семантической сети в долговременной памяти человека связаны, таким образом, ассоциативно с ним вместе возбуждаемые сведения» (КСКТ: 169). По мнению исследователей русской паремии, «именно сеть ассоциативно-вербальных сцеплений и перекрещиваний, охватывая собой всю образную систему русских пословиц, составляет ее суть» (Благова 2000: 126).

Среди частотных в русской паремике ассоциатов лексемы *вода* можно выделить слова *огонь, трава, хлеб, вино, кровь, беда* и некоторые другие. При этом изучаемый лингвокультурный феномен *вода* в традиционных дихотомиях предстает своими разными гранями. Так, в ассоциации *вода – огонь* доминирует значение ‘первостихия’: *С огнем, с ветром, да с водою не дружись (а с землею дружись); Подле огня обожжешься, подле воды обмочишься*. В ряде паремий эти две стихии сопоставляются, коррелируют друг с другом: *От огня и вода ключом бьет; Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают*; подчеркивается их очистительная сила: *Огонь чистит, вода моет* (оправдание тех, кои едят то, что другими считается поганым). В то же время, на шкале опасности в русской лингвокультуре признается, что вода является более трудным и серьезным испытанием, чем огонь, что определяется порядком данных испытаний по принципу крещендо: *Из огня да в воду (в польмя). Он огонь и воду прошел. Прошел огонь и воду, и медные трубы, как вино*.

Семантика текучести, изменчивости воды доминирует в оппозициях *трава – вода, смола – вода: Быль – трава, небыль – вода; Быль – что смола, а небыль, что вода; Быль, как смола, небыль, как вода; Небыль (недель), как вода, быль (дель), как смола*. В данных паремиях формально выраженная противоположность наименований *быль – небыль, дель – недель*, синтаксически параллельная конструкция высказываний указывают на строго дизъюнктивный характер отношений между субстантивами *трава – вода* и *смола – вода*. Учитывая тему народных афоризмов (клевета, напраслина), можно предположить, что контрастирование пары *трава – вода*

основывается на актуализации вероятностных денотативных сем постоянства / изменчивости, сравни с комментарием В. Даля: «быль, что трава (ноги оплетает), небыль, что вода (сбегает)» (СД-1: 219). Противопоставление *смола – вода* базируется на актуализации сем ‘липкая’ / ‘нелипкая’, производными от которых являются признаки постоянства / непостоянства. Заметим, что пара *трава – вода* – традиционные фольклорные символы, которые, выступая в противопоставленной паре, предстают в новом свете, а за сопоставлением травы с былью, а воды с небылью стоит

вековечная «перековка» слова в горниле народно-поэтического творчества. Здесь – и былое, безнадежно поросшее травой забвения (*Было, да былем поросло*) и былинка – та же травинка, и противопоставление вросшей в одно и то же место «почвоседки» – травы вечно бегущей и движущейся куда-то (а потому и «небылой») воде (Мокиенко 1986: 246).

В ассоциатах *хлеб – вода, вода – вино* проявляется сущность воды как основного животворящего напитка: *Хлеб да вода – молодецкая еда (солдатская, мужицкая, бурлацкая еда)*. Правда, в русских пословицах и поговорках хлеб с водой, как правило, символизируют нужду, жизнь бедняков: *Живет порою, что едим с водою. Жнут порою, а едят и с водою. Богато живут: с плота воду пьют. И на воде люди живут. У князя были, да воду пили. Хоть на воде, лишь бы на сковороде*. Нередко вода противопоставляется вину, особенно в изречениях о пьянстве: *Сколько воды ни пить, а пьяну не быть. Пей ты воду, а я голый ром: ты пьян будешь, а я только покраснею. Сыт крупницей, пьян водицей*. К примеру, в паремиях, раскрывающих причину пьянства, используется образ нехмельной воды: *Покой пьет воду, а беспокойство мед; Неупокой пьет мед, а упокой воду; Неволя пьет медок, а воля водицу*, где *покой* – ‘мир и тишина, безмятежное состояние’, ‘затишье нравственное, невозмущенный страстями быт’ (СД-3: 242), а *непокой, беспокойство* – ‘тревога, забота, склока, хлопоты, волнение’ (СД-1: 70), *неволя* – ‘нужда, худое житье’, соответственно *воля* – ‘хорошее житье’.

Одним из древнейших культурных архетипов, сохранивших свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры, является представление о жизни человеческой как о переходе через поле (вариант: переправы через водную преграду). Осознание данного стереотипа как такового породило серию синонимичных пословиц с отрицанием: *Век не поле, вдруг не перескочить; Век прожить, не поле перейти (перейти); Век жить, не реку бресть; Век прожить – не море переплыть*, тем самым фиксируя новый этап его существования – этап осознания ранее нерелевантных навыков и обычаев, их переосмысления.

Пожалуй, наиболее частотной ассоциацией в русской паремике является традиционная, или банальная, рифма *вода – беда*. Именно о таких традиционных сближениях, как *горы – горе, пить – бить, поле – воля* А.А.Потебня писал, что «они основаны не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу», и что «под любимыми рифмами кроется ... символ» (Потебня 1989: 378, 299).

Известно, что в первобытной поэзии ведущим началом являлась повторяемость не звуковых, а смысловых комплексов (Мелетинский 1972: 157); наследуя и развивая семантическую традицию древнего искусства слова, народная поэзия использует рифму в её подлинной смысловой ассоциативной функции, рифма выступает как «рычаг ассоциативного мышления, «возбудителем» которого является звуковой повтор» (Самойлов 1982: 87). При этом «банальные» созвучия представляют собой, с одной стороны, прочную ассоциативную схему, в которой один элемент как бы притягивает второй, а с другой – схему гибкую, просторную, с обилием структурных и семантических вариаций.

Исследователи русских пословиц и поговорок отмечали, что в провербиальном пространстве русского языка отдельную область образуют тексты, содержащие рифмы *беда – вода, горе – море, кручина – пучина*, при этом

рифма становится структурно-семантическим инвариантом ряда изречений, а сами рифмопары – вариантами одного смыслового инварианта-мотива (ср. связь воды, моря с отрицательным началом в мифологии славян) (Гин 1988: 141).

Действительно, в народных представлениях водное пространство осмыслялось как граница между тем и этим светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших (Сл.др.: 386-390). Мифологическое понимание воды как чужого и опасного пространства, её негативная символика породили целый «куст» синонимических рифм, в которых слова лексико-семантической группы «Воды» последовательно коррелируют с синонимами *горя-печали (кручина, тоска) и горя-несчастья (беда): Жидок путь водою, проходят его с бедою; Морских топит море, а сухопутных крушит горе; Лучше в пучину, чем в злую кручину; Катит беда, что девятая волна; Река – не море, тоска – не горе.*

Устойчивость смыслового инварианта-мотива, аналогичность рифменных ассоциаций проявляет себя и в синонимии паремий с вариантными рифмами: *Остров в море, а сердце в горе – Остров окружило водою, а нас бедою*, и в синонимическом повторе ассоциативной схемы, усиливающим мотив паремии: *Жди горя с моря, беды от воды; От горя хоть в море, от беды в воду*, и в замене или дополнении одного элемента рифмопары термином другой (даже в ущерб созвучию): *Всегда жди беды, сидя у морской воды; В море потоп, в пустынях звери, в мире беды да напасти; Со стороны горе, с другой море, с третьей болото да мох, а с четвёртой ох; Кручиной моря не переедешь.*

Устойчивость негативной символик воды обуславливает то, что в данном ассоциативно-вербальном блоке пословиц преобладают высказывания, в которых рифмующиеся слова-понятия отождествляются, а «пословицы оказываются результатом семантического развёртывания рифмы» (Гин 1988: 142). Среди них можно выделить паремии, в которых между компонентами рифмы устанавливаются отношения тождества: *Огонь беда и вода беда; а без огня и воды – и пуще беды*; подобия: *Беда, что текучая вода: набезжит да и схлынет; Тут в горе – ровно кит в море; Беда за бедой, как волна за волной; Горе – что море: ни переплыть, ни вылакать; Кто в кручине, тот что*

корабль в пучине; параллелизма на базе сходства: Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить; Всех вод не испить, всех бед не изжить; Не грози щуке морем, а нагому горем; Море плиты кораблём, горе жизни воробьём; имплицитивные: Где много воды, там жди беды; Дальше моря, меньше горя. Ближе моря, больше горя; причинно-следственные: На обеде все соседи, а пришла беда – они прочь, как вода; Вода пришла – и беда прошла; Пришло горе, взволновалось море: люди тонут, и нас туда же гонят.

Хотя и значительно реже, в ассоциативной схеме *вода – беда* реализуются также отношения несовместимости, контрастного размежевания элементов традиционной пары вплоть до их поляризации. Так, своеобразная энантиосемия рифмы характерна для антонимических паремий *Всегда жди беды от большой воды – Ждать воды – не беда, да пришла бы вода*. Подобная смысловая поляризация рифмы связана, с одной стороны, с двойственностью символики самой воды (ср.: мёртвая и живая вода). К примеру, издавна положительно оценивалась чистая вода источников: *Ключевая вода – пей не беда*; а с другой – с принципиальной многозначностью и polyvalentностью символа вообще. Как всякий символ, традиционная рифма неоднозначна и по-разному реализуется в зависимости от ситуации и контекста.

Например, из 20 паремий с рифмой *море – горе* в 18 между ними устанавливаются отношения параллелизма, подобия, импликации, причинно-следственные и лишь в двух при помощи отрицания указывается на существенные различия между ними: *Горе не море: выпьешь до дна* (ср.: *Горе – что море: ни переплыть, ни вылакать*); *По горе не за-море: не огребешься и дома* (СД-2:346). Так, стереотипные представления о горе как о море на определённом этапе развития народной мысли переосмысляются, находят основания для их контрастного разуподобления: *Горе не море: выпьешь до дна*.

Гибкость ассоциативной схемы проявляется и в том, что её компоненты постоянно предстают своими разными гранями. Например, в общем суждении о предпочтительности *Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою* использован образ воды как единственного доступного для бедняка напитка. В паремии о бурлачестве нашло применение такое свойство воды, как текучесть: *Вниз вода снесёт* (или: *несёт*), *вверх беда* (или: *неволя*) *везёт*. В результате в традиционном сопряжении *вода – беда* выделилась новая неоднозначная антитеза ‘легко’ – ‘тяжело’, ‘само собой’ – ‘с трудом’, ‘свободно’ – ‘по принуждению’.

Нетрадиционно осмыляется древняя фольклорная формула в пословице *Виноватого кровь вода, а невинного беда*. Словообразовательные антонимы *виноватый – невинный* в составе антитезы указывают на противоположность значений лексем *вода* и *беда* и прежде всего на их аксиологическую противопоставленность (нейтральная оценка у *воды* и отрицательная – у *беды*). Сопряжение же *кровь – вода* также уходит корнями в далёкое прошлое и заимствовано, по мнению И. Снегирёва, из текста Псалма 78,3: «пролияша кровь их яко воду» (Снегирёв 1831: 166). Итак, слово *вода*, занимая в

синтагме конечное положение, притягивает традиционную рифму *беда*, но релевантной является не их стандартная взаимосвязь, а контекстуальная противоположность.

Таким образом, структурно-семантическое варьирование традиционной рифмы достигается словоизменительными и словообразовательными средствами, синонимическими и согипонимическими менами одного или обоих компонентов рифмопары; ассоциативная схема реализуется, как правило, не одной рифмой, а целым рядом регулярных корреляций лексико-семантических и (или) морфосемантических полей, которые отражают узловые пересечения концептов русской культуры.

Символический статус «банальной» рифмы проявляется в широте диапазона смысловых отношений, выражаемых в пословице ее компонентами: от тождества и сходства до актуализированного различия и противоположности.

Источники

- Даль В.И. *Пословицы русского народа*: Сборник: В 2-х т. Москва, 1996.
Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М.Жигулев. Устинов, 1986.
Пословицы. Поговорки. Загадки. / Сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. Москва, 1986.
Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX вв. / Изд-е подгот. М.Я.Мельц. Москва, 1961.
Русские народные пословицы и притчи, изданные И.Снегиревым с предисловием и дополнениями. Москва, 1848 (1995).

Словари

- КСКТ = Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва, 1996.
СД = Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1- 4. Москва, 1981.
Сл.др. = Толстой Н.И. (ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* Москва, 1995. Т. 1.

Литература

- Благова 2000 = Благова Г.Ф. *Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе*. Москва, 2000.
Гин 1988 = Гин Я.И. *Заметки о русском proverbiallyном пространстве*. В кн.: *Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора*. Москва, 1988. Т.1. 141-143.
Караулов 1999 = Караулов Ю.Н. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. Москва, 1999.
Мелетинский 1972 = Мелетинский Е.М. *Первобытные истоки словесного искусства*. В кн.: *Ранние формы искусства*. Москва, 1972. 149-189.
Мокиенко 1986 = Мокиенко В.М. *Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Ленинград, 1986.
Потебня 1989 = Потебня А.А. *Слово и миф*. Москва, 1989.

Самойлов 1982 = Самойлов Д.С. *Книга о русской рифме*. Москва, 1982.

Снегирёв 1831 = Снегирев И.М. *Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках И.Снегирева*. Кн. 2. Москва, 1832.